

Пароль Артура Анатра

Главы из романа

Интерпол ловит щипача

Подкомиссар Лурье, являясь штатным сотрудником Морпола в Израиле, подразделения, ориентированного на борьбу с международными морскими преступлениями, лукавил. Поездка на неисторическую Родину, инициированная в пожарном порядке по слезной просьбе его племянницы Фиры, бывшей жены Фармана, все-таки носила частный характер. Именно потому Пол Лурье (коллеги его обозначали Интерполом), не обрекая Фиру на дополнительные расходы, решил для экономии добираться в Хайфу на рейсовом пароходе "Жасмин" частной судоходной компании. Он заплатил щадящую сумму, получил похожий на пригласительный глянцевого билета в конверте с замысловатой аббревиатурой и страховку.

— Пароход небольшой? — спросил.

Билетная менеджерша трубно засмеялась.

— А вам надо "Титаник"? — дымя зажатой в зубах сигаретой, она выпрямила пухлую ножку и подтянула голенище мушкетерского сапога до паха.

У менеджерши был вызывающий бюст, он не помещался в зеркале на стене.

"Менеджер широкого профиля", — сострил про себя Интерпол. "Титаник" его действительно не устраивал, тем более титаники тонут. Пароход наверняка из бывших. Как сам Интерпол. Он представил, как этот тихоход обанкротившегося пароходства в Стамбуле арестуют за долги, и тогда никакая страховка не поможет.

— Каюта четырехместная, — она обезопасила себя от претензий. — А зачем суперлюкс?

— А зачем эти глаза напротив?

— Всего трое суток ехать. На борту работает бар...

— Мучиться в таких условиях можно только в один конец, чтобы не приезжать больше никогда.

— Можно и назад. Разве Одесса плохой город?

— Неплохой, просто он прекратился. Он живет воспоминаниями и киносьемками. Еще революциями.

— Где вы видели в Одессе революцию? Одесса же не Майдан.

— Но евреи в этом реалити-шоу напяливают поверх ливрей вышиванки.

— Вам не одинаково?

— Московский раввин Мозе сказал: "Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за все Бронштейны".

— Вы слишком энергетический человек!

Интерпол вспомнил, как еще студентом добирался целые сутки в Израиле на пароходе "Белинский". По пуританским советским нормам, бара на борту не полагалась. Выручали колхозники, которые везли в бочонках-анкерках винопродукцию. "Пыты можно, а ходыты ни!" — нахваливали они товар. За Аккерманом "Белинский" раскачал, и Интерпола стошнило.

В баре "Депонент" у отдела кадров пароходства безработные моряки пили пиво на запись. Из баночек зеленоватого бутылочного стекла, бокалы во всех барах разом как волной смыло. Интерпол подошел к будке по соседству с "Депонентом".

— Вам холодной водички? — спросила будочница.

— Неплохо бы.

— А как у вас с верхними дыхательными путями? Я вам дам снизу холодильника. Не будем рисковать.

— Вы внимательны, как врач.

— А я и есть врач.

Мостовую запрудила толпа моряков-бичкомберов, шла перекличка очередников на зарплату.

— Колбаса! — оглашали очередную фамилию. — Номер три тысячи двести одиннадцатый. Колбаса есть? Вычеркиваю!

"Надо бы успеть колбасы купить в дорогу", — думает Интерпол.

— Денег не будет! — объявляют с балкона.

"Все по Боре Березовскому, — размышляет Интерпол. — Деньги были, деньги будут, но сейчас денег нет"

В трамвае искусственная толчея, девушка уступила ему место, и у Интерпола испортилось настроение. Сквозь колючую крону акации мелькнул дом, где когда-то жила знакомая девушка Флора из акушерского училища. Флора боялась темноты, и они спали при свете люстры. Точнее, она спала, а он мучился. Трое рабочих в одинаковых фирменных костюмах с логотипом телефонной компании тянут из люка кабель, как бурлаки.

"И это называется тянуть связь", — думает Интерпол.

Трамвай останавливается напротив экипажа мореходки и оглушительно трезвонит. На путях лежит громадный, на полтонны, кованный якорь. Кадеты традиционно в честь защиты дипломов переволокли якорь от проходной и положили на рельсы. Ватманша берет железную кляку и идет поддевать якорь. Интерпол, будучи человеком деятельным, забирает у нее кляку. Дежурный офицер с бело-голубой повязкой на рукаве приводит салаг-первокурсников и командует:

— Двое на шток и двое на лапы. Якорь — вира!

Фарватер свободен, и трамвай трогается дальше.

— Не вижу на билеты! — говорит кондукторша.

Интерпол лезет в сумку за деньгами и не находит портмоне. В портмоне был билет на "Жасмин". Карманник с курткой, наброшенной на руку, пробирается к выходу, по пути еще тянется к дамской сумочке, сообщник создает давку. Интерпол перехватывает кисть щипача, заламывает привычным приемом, а когда тот оседает, пристегивает наручниками к стойке. На полу лежит конверт с билетом на пароход.

Хотя "Жасмин" был приземистым пароходом, но корпус его в миделе еще больше прогнулся к воде, как круп старой перетрудившейся лошади. "Рысачок" был куда миниатюрнее, чем изображенный на обложке билета.

— Как он раньше назывался? — спросил Интерпол у матроса.

— АМ-46, — ответил тот, — он переделан с тральщика-амика.

— Корпус с кардона? — подвыпивший пассажир постучал кулаком по фальшборту.

— С бакелизированной финеры, — матрос оскорбился.

— Вилли, — представился сосед по каюте, это был тот самый подвыпивший.

— Надоело реалити-шоу, Вилли Фарман?

— Как вы догадались?

— На столике лежал ваш именной билет из артели "Золотой ключик".

Я случайно его перепутал и положил в карман. Извините. Вы совсем не похожи на своего брата.

— Вы знали Марата?

— Я его спасал. Кто я, как вы думаете?

— Вы явно не принадлежите к совковому истеблишменту, а скорее, наоборот.

— То есть как наоборот? И почему?

— Они не носят клубные тапочки, как у вас, и ходят в душ в туфлях,

заправляя костюмные брюки в носки. Вы больше похожи на обеспеченного пенсионера с легким криминальным прошлым.

— Вы почти угадали. Я работаю в полиции.

В каюте забористо пахло баклажанами, чесноком и пивом. Интерпол понял, что спать не придется.

Бар, как и обещала менеджерша, работал бесперебойно, несмотря на свежую погоду. Экс-тральщик шел "свиньей", зарываясь носом в свинцовые волны. Соседи колобродничали, что-то искали, шатались от выпитого и качки, икали, хлопали дверями. Интерпол не выдержал и пошел на корму "глотануть свежачка", как говорят кочегары.

— Ночевать людям мешаешь, Семик, — выговаривал ему Вилли Фарман.

Интерпол пытался выудить из-под койки свои клубные тапочки, но вместо них нашарил шлепанцы Семика, видимо, сосед напялил его обувь.

"Кто первый стал, того и тапки!" — подумал Интерпол.

Вилли как накаркал. Из следующего углубленного крена "Жасмин" не вышел. С кормы Интерпол слышал, как зашипел воздух автоматического надува плотов. Интерпол, не раздумывая, прыгнул за борт, чтобы не засало в воронку.

Фосфин спасает Пилимончика

Закутанный в одеяла Интерпол лежит в амбулатории "Капитана Кадетского". Качает. Накал в лампочке увеличивается.

— Кажется, второй механик Лукойл запустил движок, — говорит доктор Фосфин. — Как самочувствие?

— Терпимо, доктор, — отвечает Интерпол.

— У вас лицо слишком покраснело. Я положу вам вторую подушку, чтоб был отток крови от головы.

— Спасибо, док! В Одессе это называется более слаже.

Фосфин нашаривает на полке пузырек с химической формулой, наливал в разовый стаканчик.

— Рекомендую принять для согрева.

— А вы, доктор? Не могу в одиночку.

— Я не употребляю.

— А по просьбе присоединяющегося к большинству, как говорят американцы?

— Вы не умирающий.

— А если у меня откажут почки? Тем более что они уже отказывали без переохлаждения.

Фосфин щупает живот Пилимончика.

— Ой-ц!

— Здесь болит?

— Доктор, в моем возрасте всегда где-то болит. Давайте лучше освежимся из фунфырика.

— Вы не дружили с зеленым змием?

— Я дружу с зеленым чаем. Зеленый змий заискивал со мной, но это было давно, в молодости. Я тогда пил алиготе, не касаясь верхней губой горлышка. Правда, в этой стране змий снова начал за мной охотиться. Неделю назад я вдохновлялся фальсифицированной водкой в вип-кунге с прапорщиком по фамилии Добридень.

Фосфин допивает из своей персональной кружки остатки биокефира и наливает спирта.

— Вы агрессивный экстраверт, — говорит больному.

— За то, чтоб мы не дождали умереть! Зий гизунд!

Закусывают польским огурцом из баночки.

— А сколько вам лет? — интересуется Фосфин. — Да вы совсем салага, вы моложе меня на три года!

— А выгляжу на десять лет старше. Вы это хотели сказать? Пора в моем возрасте обзавестись редкой болезнью Альцгеймера, как Рейган, а я все моржую.

Заглядывает старпом Мунтян.

— Чиф, на процедуры зайдете после развода, — говорит Фосфин.

— После развода Босфор.

— Тогда после Босфора. У меня urgentный больной.

Старпом, хромя, уходит.

— Вот он ваш ровесник, — говорит Фосфин. — Средний возраст по судну пятьдесят четыре года.

— У вас тут геморройленд. А среднее артериальное давление? Когда я в молодости выпивал, то мне снились просто кошмары, а теперь смотрю вещи кошмары.

Интерпол погружается в рыхлый сон. Ему снятся арбузы, запертые на ночь в деревянной клетке на углу Болгарской-Буденного. Интерпол, тогда еще пятиклассник Пиня Лурье, продевает в щель сияющую саблю, рубит арбуз внутри клетки. С рукоятки клинка ему одобрительно подмигивает зеленым глазом львиная голова. Пиня нанизывает скибку на острие,

но вытащить через щель не успевает. К клетке бежит в галифе и тряпочных тапочках квартирант подполковник Колотухин, владелец трофейного оружия.

Фосфин слышит, как больной вскрикивает во сне. На переборке размытая фотография "Самбора". Зыбкая видимость, мелкий противный снег сеет. И матросы, согнувшись, как бурлаки, тащат шланги линии для перекачки с судна топлива.

В летнюю навигацию возили по Севморпути топливо всех наименований, в том числе и авиационный керосин для воинских подразделений на Земле Франца-Иосифа.

Матросам по приходу приходилось монтировать линию перекачки от 3 до 5 километров. Температура топлива была положительной, лед под шлангами подтаивал, и линию перекладывали по несколько раз. Секции шлангов тащили, передвигаясь по глубокому снегу мелкими шажками. Разъемы "папа-мама" стыковали на колене, потом жаловались, что колени болят. Фосфин снова не уместился в рамки задач, обозначенных в санитарном институте транспорта, и потому придумал войлочные наколенники и ледоступы. Машинная команда смастерила из листовой стали ледоступы с шипами. Их разрешалось надевать только вне судна, чтоб не высесть искру. Матросы в ледоступах бегали и даже прыгали.

"На Севере присутствует риск психологического ожидания опасности, — писал в отчете Фосфин, — скажем, угнетает боязнь провалиться в полыню и погибнуть. Возможно нападение тюленей, белых медведей".

Медведей подманивали к борту судна стуженкой, заранее прокальвая банки, чтоб звери не мучились и не пугали матросов. Медведицы приводили лакомиться детенышей. Убегая от белого медведя, моторист Разувайло угодил в полыню. Фосфин вытащил парня из объятий костлявой. Правда, медблок "научника" "Самбор" был оснащен по предпоследнему слову, а здесь у него анальгин и самодельный парафин для старпома Мунтяна. И сам он по судовой роли низвергнут до должности матроса. За лекарство добавили сто зеленых — гримаса рынка.

— Чем-то пахнет, доктор, — Интерпол ворочается.

— Мы возьмем минудобрения, а уплотнения трюмов изжеваны. В трюма попала забортная вода.

Эта самая забортная вода вращается в иллюминаторе, пейзаж, как в стиральной машине. Амбулатория на нижней палубе.

При увлажнении удобрений выделяется газ, именем которого экс-доктора прозвала команда — фосфин.

"И иллюминатор не отдраишь, штормит по-взрослому, — прикидывает Интерпол. — Не хватало еще отравиться".

В стамбульской больнице

Вилли Фармана деликатно будит пожилой больной на костылях, о чем-то просит по-турецки. Рядом в узком проходе между койками на расстеленном коврикe сосед бьет поклоны, совершает намаз. На спецковрикe туристский компас, позволяющий определить восточное направление, стрелка компаса нацелена как раз в зад Вилли, получается нехорошо, вроде бы человек молится на его пятую точку. Перевернуться же на другой бок не позволяет капельница. Вилли освобождается от трубки-пуповины, которой он теперь привязан к чужой земле, и переворачивается.

В палате больницы для бедных и очень бедных пахнет старыми квартирами, все шестнадцать узких сиротских коек заняты. Тесно. Так было тесно в колхозном общежитии, куда Вилли посылали на помидоры от пуско-наладочного управления.

Лет семь назад Вилли Фарман, возвращаясь в хорошем настроении с футбола, пристроился побрызгать у столба и увидел объявление: "ПНУ требуются для разъездных работ инж.-механики... Прогрессивная форма оплаты... 40% оклада...". Вилли застегнул ширинку, сорвал на всякий случай объявление и о нем забыл. Наладок все равно много, в каждом подвале, считай. На Западе линия приходит на раме, нажал кнопку, и она пошла, а у нас приводят в действие кувалдометрами и ломографами.

Нашарил клочок случайно через две недели, когда истерично искал потерянный на футбольных трибунах паспорт. Или украденный возле пивного ларька. Пошел без интереса и надежды по указанному адресу, спустился в подвал.

— Характер работ у нас разъездной, география объектов от Салехарда до Чарджоу, — предупредил начальник участка. Из приямка пахло кошками. — Какое у вас семейное положение?

— Разведен, — сорвал Вилли, хотя положение было тупиково-неопределенным. — Я еще паспорт потерял.

— Не вы первый, — успокоил прораб. — У нас трое орлов ездят в командировку по справке об утере, а один слесарь по справке об освобождении.

Снисхождение и участие запали в душу. Когда дней через десять Вилли снова навестил подвал, прораб не удивился.

— Надумали? — спросил.

Вилли еще не надумал.

— Вы уже десять дней у нас работаете.

Авансированное доверие подтолкнуло к решению. Семья его уже не стреноживала, третья жена подалась в Израиль. Вилли получил командировочные и с легкой душой уехал по справке в Белоруссию. Он понимал, что трудоустройство в шараги размытого профиля, где мантулят не заякоренные семьей, находится в рамках эволюционных перемещений по нисходящей. Для покидающего этот бранный мир или для отъезжающих. Сначала выгоняют из партии, потом увольняют из серьезного "почтового ящика", потом лишенец устраивается принимать бутылки. Если возьмут еще, потому что таких, потерявших жизненные ориентиры, хватает. Так что пэнэушный проходняк был в формате списка отлучений и даже выглядел не так уж позорно. Он еще не решил для себя, едет ли в Израиль догонять третью жену, где исключительно для детей будет отравлять ей жизнь.

Через открытую настежь дверь видны подагрические в буграх ноги. Коридор тоже загромождают койки. При этом лечебное учреждение, как ни странно, расположено в престижном районе Каракоя, из замызганных, будто оцинкованных окон третьего этажа Босфор как на ладони, по проливу чередой беззвучно идут суда. Им наперерез снуют паромы, связывающие Золотой Рог с Ускударом. Пассажиры в проемах паромов стоят чуть ли не на уровне воды. После оверкиля "Жасмина" Вилли глядеть на пароходы неприятно, убогий казенный быт тоже гнетет. Он тянется к пиджаку Семы Глускера. Пиджак ему чуть выше колен.

— Мы с Семей Глускером поменялись лепнями, — говорит Вилли соседу, завершившему намаз. — Мы с Сеней еще сочтемся — свои ребята.

Сосед угощает его пахлавой. В кармане обнаруживается трехъярусный бумажник, в одном доллары, в другом шекели, в третьем паспорт на имя Глускера. Лишенный предрассудков Вилли надевает просторный чужой пиджак, который едва ему не до колен. В крайнем случае, истраченную валюту можно будет восполнить из страхового полиса, агент уже приходил в больницу и выписал квитанцию.

— Я освободил паруса от слезней, чтобы в открытом море принять свежий норд-ост, но получил поджопник, — говорит Вилли медсестре из крымских татар. — Вашей маме проблемный зять не нужен? Пойду, погляжу на бывшую столицу Византии. Как-никак Стамбул — город-побратим Одессы.

День мгlistый, с моросью, и от этого дома в Каракое выглядят еще тяжеловеснее, над минаретами курятся дымки, пахнет печками. Переулки

воспринимаются декорацией, кажется, мегаполис за ними будет постепенно наращивать тон, но этого не происходит, паузу вносит гористый рельеф или сам пролив. На этот раз пауза строительная, рабочие на Кемералти продолжают линию единственного трамвая. Трамвай, похожий на бронепоезд, отдыхает на конечной остановке.

На морвокзале охранник вежливо показывает дулом автомата, где поменять деньги. Из-за перебранки ворон Вилли так и не услышал название банка. Лиры в банке выдают рваными банкнотами.

— В Турции все деньги такие, — успокаивает по-русски служащий. Для убедительности разворошил пачку свободно конвертируемого рванья.

Перед аркой на Козлукахан картонка: "Старший представитель по пиченьям", "пиченья" писано через "и", вероятно, русскоязычная подруга жизни представителя была в школе лентяйкой.

На мосту Галат инвалид с культей, обмотанной окровавленным бинтом, играет на аккордеоне вальс "На голубом Дунае". Вилли бросил ему в бейсболку металлический юбилейный рубль, специально припасенный для презента.

— Ленин, — говорит безногий.

Набережная серебрится чешуей. Клюет, плотные шеренги рыболовов, локоть к локтю, запрудили мост и дебаркадеры, зазывая туристов на рыбный праздник. В тазах розовеют разрезанные и вывернутые наизнанку камбалы, упругие, как свежие цветы. Ставрида кувыркается в тазах и на глазах теряет свой электрический с прозеленью оттенок.

— Мадам, купите себе проблему на вечер, самую свежую проблему, — предлагает по-русски бывший соотечественник барышне, приехавшей в Стамбул делать шопинг.

На низочке-гирлянде трепыхаются бычки.

— Молодой человек, если вам на Капалы-Чарши, то налево, — подсказывает немолодая женщина, заметившая его нерешительность, и скрывается в обшарпанной подворотне.

Кажется, из-за угла появится генерал Чарнота в кальсонах и попросит закурить.

Иностранцы фотографируют усатых чистильщиков и затейливые ящичные сооружения с башенками для хранения крема всех оттенков, инкрустированные крышечки напоминают купола. "Клубные" матерчатые тапочки Интерпола в чистке не нуждались.

Цыган ведет на узловой веревке медведя, к заднице мишки налипла солома. Виля побрел за медведем и вышел к Голубой мечети. Ритуал разу-

вания в предбаннике мечети обставлен с восточным колоритом: замызганная рогожа заслоняет ячейки, где пожилые туристы со всего мира корячатся и чокаются задами, скамеек не предусмотрено. Давая отдых ногам, Вилли фланирует босиком по потертому ковру, находит место, где пророк Мухаммед, сидя на лошади, коснулся большим пальцем правой руки марморной колонны.

"Ни хера себе культуры, — думает Вилли, — заезжать в храм на лошади". Заметив, что толпа в прихожей рассосалась, поспешил к выходу. В ячейках отыскивал подходящие по размеру штилеты, кожаные ручной работы штилеты, примерил, не спеша зашнуровал и вышел. На месте косточки бугрилась выпуклость. Вилли подмигнул нищему и сказал:

— Взял шкары на вырост подагры.

На пыльном пустыре родные до боли в пояснице львовские автобусы с табличкой "Экскурсионный" и фургон-"летучка" с надписью "Люди" на будке. У "летучки" еще прицеп. Вилли думал, что передвижной генератор прибуксировали на продажу, оказалось, полевую кухню снарядил какой-то завод для торгующих трудящихся. Кухня пыхла, пахло кашей. Выходцы из некогда индустриальной державы бойко торговали топорами, электродами, лопатами, крысоловками, мухобойками, дисками для культиваторов. Из легированных дисков местные вакулы мастырят отменные кетмени. Из щелей ящика непокорно торчат, как тараканы усы, гвозди в солидоле, кочерги в Стамбуле не пустая забава. Промасленная бумага налипла к свече кипариса. Кто-то привез голубей-дутьшей в дырчатом ящике из-под бутылок. Возле ящика толпа, турки любят голубей.

На ракладушке угощает раскладушницу турецкими сладостями стамбульский Ромео.

— Гламур-ханум! — комплиментарно реагируют турки.

— Убиться веником! — реагируют соседки. — Ахмед хочет Каринку с мамой познакомить.

По рядам ходит человек с бубликами на голове и монотонно бубнит. Продают и изделия кустарного промысла, точеные сгоны из латуни в ассортименте, контргайки. Турецкий гражданин объясняет мастеровому коробейнику, какой ему размер нужен. Коробейник чертит схему на пачке из-под сигарет и говорит:

— Выточу и привезу. Через неделю в этом же месте.

В соседнем ряду слесарь Белогорячкин с тестем Пьяных продает в третий раз многострадальный следящий элемент с одесского авиационного завода. Вилли налаживал точный прибор в Смиловичах.

— И сколько будет цацка, если братъ? — забрасывает удочку Вилли.

— Как для тебя, то двести тысяч лир, — говорит Белогорячкин. — Она может дачу сторожить, собаку кормить не надо — сплошная выгода.

Вилли разворачивает аптечный бланк для Ханы с рецептом размером в половину газетного листа на турецком и объявляет:

— Уголовная полиция Каракоя.

— А не пошел бы ты!.. — взрывается Белогорячкин.

— Вы арестованы.

— За что?

— Хотя бы за то, что с представителем власти перешли на меццо-сопрано.

Пока тесть Пьяных устраивает на пористом носу очки с поломанной дужкой, зять Белогорячкин гордо заявляет:

— Мы — иностранные граждане!

— Вот потому и будешь сидеть в бетонированной яме, — сурово объясняет Вилли. — Вашими орлами Байрам-Паши под поясок забита.

— Мы реализуем продукцию, выданную вместо зарплаты.

— Я сейчас вызову автозак, и "прощай, моя Одесса, мой славный карантин".

— Я — участник войны, — говорит Пьяных.

— Турция — нейтральное государство, во второй мировой войне не участвовала, поэтому амнистий не предусмотрено. Вы же в войне с курдами не участвовали, надеюсь? Тогда звоняйте! — Вилли достает мобильный телефон, нажимает на кнопку и говорит: — Инде гулен асансер йер алдиги зиндан Байрам-Паши.

Белогорячкин цепенеет. Вилли взвешивает на руке следящий элемент и говорит:

— Воронок застрял в пробке, поэтому на выход с вещами. Братъ самое необходимое, запасных кальсон в зиндане не предусмотрено. Вещдок я понесу сам.

Пьяных морщит нос, сейчас расквасится. Вилли достает из бумажника немного рвань и протягивает лиры старику.

— Только без сцен! Полиция у вас рампу покупает для личной охраны. Но с одним непременно условием.

Белогорячкин пересчитывает лиры и прячет за пазуху.

— Каким?

— Вы следящий электронный элемент отвезете заводским автобусом назад на завод аэропланов и гидропланов господина Анатра.

— Зачем?

— Для изучения путей контрабанды. К нему мной прикреплен мини-чип, ваш путь будет прослеживаться с помощью спутника.

— Слушаюсь! — говорит Пьяных.

— Стоять вольно, но не разбегаться, — говорит напоследок Вилли. — На opravку выходить по одному, чтоб рампу не умакнули.

Вилли направляется к проливу. На пути — похожий на голубятню двухэтажный сарай-павильон "У Клавы".

— В честь любимых женщин называют не только пароходы, но и магазины, — говорит Вилли, она не реагирует.

Сарай — симбиоз сельпо и художественного салона: часть полок пустовала, торговали неликвидами, залежавшимися после пережитого челночного нашествия. Хозяйка, крашеная блондинка, вероятно, Клава, не жалуется, глядит мимо, так игнорируют покупателя на оптовых рынках в отечестве. Он уже вспомнил, откуда ее знает, хотя имя не вспомнил бы. Если б не вывеска заведения. Пожилой живописец тщательно вырисовывает по памяти санаторный пейзаж с ротондой в стиле соцреализма. На пиджаке у художника три ряда орденских планок.

— На полотне санаторий Двадцатого партсъезда? — Вилли отступает на два шага, чтобы оценить работу. И едва не опрокидывает кадку с пальмой.

— Нет, Мисхор, — ответил художник, — с парком Чаир.

— Искусство без границ? А почему бы и нет?

— Тем более что виды Чаира пользуется спросом у иностранцев. Настоящие миротворцы не военные, а художники. Мы творим мир на холсте и в душах.

— Bravo!

— Этот восточный базар! — из глубины голубятни выплыла еще одна. — Клава, я буквально тащила себя за волосы! — в пухлых пальчиках стопка водки, волосы сваялись, возможно, кто-то тащил.

Клава, не реагирует.

— Где здесь зелентрест? — спрашивает Вилли у Клавы.

— Зачем?

— Бубочка, я нарву вам букет. Ты меня не помнишь?

— Уже нарвал. У нас была двойня. Пошел вон!

Он познакомился с ней на танцах под радиолу в парке Ильича. Когда провожал, перемахнул через ракушечную стену зелентреста и нарвал букет чахлах роз. Овчарка, подпрыгнув, куснула его за ляжку. Вилли так лягнулся, что собака взвизгнула.

— Если нужна обувь, могу проводить, — предлагает без надежды на крыльце голубятни уставший человек, он изучил уже дорогие Виллины туфли. — Зимняя обувь со скидкой.

— Уже не нужна, — отвечает Виля.

Из Клавиного сарая открывается спящая гладь Мраморного моря.

— Одесский пароход "Кадецкий"? — спрашивает Виля.

— Как вы назвали его?

— Капитан Лука Фомич Кадецкий, этапировал на "Ильиче" Троцкого в Мексику. Каламбурчик. Бронштейн, кстати, мой дальний родственник. "Кадецкий" везет на продажу аэропланы.

— Какие аэропланы? — художник даже отстраняется от парка Чаир.

— Копиями реплицированной постройки "Анатра-Анасаль".

— Это интересно. Я думал, Антоны Вторые на продажу. Тут недалеко один "Анатра-Анасаль" стоит в частном музее, — развивает авиатему художник.

— Копия?

— Оригинал. Казачий авиаотряд в девятнадцатом продал две машины кронпринцу шейха из Саудовской Аравии. Наследник проигрался в карты и перепродал самолеты местному негоднику. Он на них так ни разу и не поднялся в воздух. Вы, наверное, авиатор?

— Вот вы точно пилот. Вы военный летчик. Я угадал?

— Угадали. Хотите посмотреть?

— Очень даже хочу, но боюсь проворонить пароход, на нем мой сводный брат Фарман.

— Анри Фарман?

— Нет, Марат Соломонович, конструктор раритета. Где в проливе самое узкое место?

— У крепости Румели Хисары.

— Предлагаю прокатиться с буфетом.

Между братьями — Босфор

— А где квартируете? — Вилли наливает из графинчика. Они сидят с отставным майором-авиатором в летнем кафе у крепости Румели Хисары. — Жилье в Стамбуле ведь недорого.

— Как где? У жены. Правда, мы пока с Клавдией не расписаны. Да куда спешить. А вдруг помру? — он смеется. — Я ведь еще со Сталиным служил.

— Как со Сталиным?

— Вася Сталин был у нас в Дальгофе комдивом. Я и в футбол за сборную дивизии играл. Еще сержантом. А потом, когда Героя Советского Союза снес, играющий герой посадил на губу. Вася Сталин и направил меня на офицерские курсы. Вася Сталин, кстати, наезжал в Одессу, когда разбился возле Селекционного института его товарищ еще по Каче и Сталинграду.

— Мой брат Маратик Фарман разыскивает чертежи французского летчика Луи Линьяка, которые попали сначала к Василию Сталину, а после его ареста на Лубянку.

— После смерти Иосифа Виссарионовича у нас многих таскали в особый отдел. Всяко бывало. Клава тоже лиха хлебнула сверх меры. Родила близнецов от одного подонка. Нашел бы — задушил. Один сын на игле сидит, второй — из тюрьмы не вылезает. А чего ждать? Без отца выросли.

Вилли представляет, как художник от авиации душил бы его.

— Я тоже без отца вырос, — говорит Вилли.

— А я круглый сирота, — развивает тему летчик.

— Но в тюрьму не попали.

— Я суворовец, СВУ — та же тюрьма.

— Под каток хрущевского сокращения "миллион двести" угодили?

— Нет, уволили, за то, что техник-лейтенант угнал МИГ-17 в Турцию.

Художник выпивает, не морщась, и вспоминает. Раскаленная дырчатая полоса настенного стальными плитами аэродрома под Саратовой. Лейтенант в комбинезоне и выгоревшей фуражке ковыряется возле истребителя.

— Надо б, Ашот, турбинку крутануть! — бросает солдатику.

— Высе нормално, тыщ лэтэнант! — докладывает тот. — Уже пырвыряли.

Последние слова солдата съедает вой турбины. Вой становится неистовым, фокусируется до свиста, свист острится и поглощается деловым гулом холостых оборотов.

— Все в порядке! — офицер доволен работой. — А ну-ка, Ашотик, сними струбцины со стабилизаторов и закрылок. Надо б рули проверить, — Лейтенант подмигивает.

— Рули пырвыряли, — обжигая пальцы о накалившийся на солнце дюраль, солдат снимает зажимы и не придает значения тому, что из-под колес убраны колодки.

Техник-лейтенант пошевелил закрылками, тронул машину с места в нарушение всех правил и инструкций и остановился. Потом снял защел-

ку форсажа и пошел на взлет, останавливаться больше не захотел. Привычные к рабочим беспорядкам офицеры БАО, батальона авиационного обслуживания, схватились за выгоревшие фуражки и отреагировали неуставно:

— Вот мудака! Разобьется, мать его! В воздухе техник!

— Кто в воздухе? — с опозданием зверя, зарычал командир полка. — Сбить его!

— Сбили? — спрашивает Виля.

— Полк подняли по тревоге. А что толку? Увидели только инверсионный след над Змеиным.

— А ракетой?

— Тогда ракетные комплексы еще только поступали на вооружение.

— Но он же — техник. А как посадил?

— Оказалось, что он два курса учился на летном факультете в Гурьеве, потом забраковали по здоровью.

— И где посадил?

— В Ирджилике в Турции. Его уже ждали, чтоб похлопать по плечу. МИГ-17 тогда был секретной машиной. Это был первый истребитель, оснащенный бортовым локатором.

— Это еще было до побега Беленко?

Из-за вантового моста чрез Босфор показывается "Кадецкий". На крышках трюма стоят зачехленные прототипы "Анатра-Анасаля". На шлюпочной палубе стоит в робе сводный брат Вилли Марат Фарман, рядом подкомиссар Интерпол, его сосед по каюте на "Жасмине".

— Марат, я живой! — Вилли кричит. Крика, конечно, не слышно. Вилли вскакивает на тумбу ограждений, снимает пиджак Глускера, машет. Марат оборачивается и машет ему вслед, тоже что-то в ответ, но не слышно.

— Марат, я нашел оригинал "Анасаля" в Стамбуле-е-е! — кричит Вилли. — Я позвоню.

Марат Фарман заметил Вилли в бинокль.

"Кадецкий", пароход-видение, удаляется в следующем колене пролива.

На палубе "Кадецкого" к Марату Фарману подходит Работягова в белом фартуке.

— Это был Вилли, — говорит Марат. — Именно в этом месте Артур Анатра наблюдал пароход с казачьим авиаотрядом на борту.

На фронт

Эллидофор движется Босфором, морща зеркальную поверхность пролива расходящимися от носа усами. Венчающий нос бушприт опережает усы и отражается в воде без искажений. "Деканы" и "Анасали" на палубе привлекают внимание посетителей на верандах прибрежных ресторанов. Дамы разглядывают пароход в монокли. Офицеры на эллидофоре, стоя на влажных досках "скатанной" палубы, нацелили на дам шестикратные полевые бинокли. Казаки дряют палубу после штивки кардифа.

— Три, три, три холеры, три чумы! — командует в такт боцман.

— Команда "полборта вправо" соответствует 15-ти градусам, — объясняет штабс-капитан Натан Фарман казаку за штурвалом. Повтори, Тит.

— А капитан наш, он же штабс-капитан Фарман, на высоте, — говорит полковник Цезарь Трояныч. — Как будто родился на мостике и был с морем обручен с младенчества.

— Обручен, но не обвенчан, — поправляет поручик Вариус. — Он закончил керченские мореходные классы Крестьянинова.

По дебаркадеру у крепости Румели Хисары пробирается кот с бакенбардами, в пасти — мышь. У кромки набережной "Белано-Бельвиль". На нее смотрит в упор Фира, первая жена Натана Фармана, рядом Артур Антонович Анатра, выкупивший Фиру. С берега они видят выпуклый похожий на ежика пароход-эллидофор, перегруженный аэропланами. На фюзеляже "Анасаля" написано: "На фронт!". Анатра снимает шляпу. Фира крестит уходящее видение. Свою бывшую жену заметил с мостика и Фарман.

— Истеричный пафос и дутый патриотизм, — говорит офицер в казачьей бурке, рука его на черной перевязи.

— Не смейте, они — герои! — взрывается Фира. — Артур, зачем они туда возвращаются? — говорит. — Это же безумие!

— В морской практике это называется демонстрация флага. Правда, уже несуществующего государства, поэтому она выглядит вызовом пустоте. Комиссары в Одессе на пятой станции Люстдорфской дороги уже оприходовали "Анасали", я получил письмо от управляющего. Мне не хватало рекламаций от красных в Париже. Луиджи, наверное, вези к "Petrograd Patisseri", — приказывает шоферу. — Надоела баклажанщина. В "Патишери", говорят, срывает аплодисменты московский негр-джазист Федор Федорович Томас. Исполняются чарльстон и фокстрот.

— Какой Чарльстон? — Фира вытирает слезы. — Поймите совесть!
— Кстати, в этом же отеле "Petrograd Patisseri" уже забронированы два этажа для штаба генерала Петра Николаевича Врангеля.

— Нет, номера авансированы в отеле "Бюк Лондра", — вмешивается Луиджи.

— Как авансированы? — ахает Фира. — Куда же тогда они плывут? Они погибнут?

— У господина Фармана есть шанс, — рассуждает Анатра. — Если он попадет в плен, то родственник, надеюсь, его помилует и предложит должность, скажем, командира авиадивизиона.

— Какой родственник?

— Наркомвоенмор Лев Давидович Троцкий-Бронштейн. Кстати, Троцкий вчера выступал на Куликовом поле, мне телеграфировали. Успех оглушительный. Особенно у рефлексующих дам.

Ротмистр Змучилло провожает с борта эллидофора в полевой бинокль "Делано-Бельвиль".

— А рядом с Анатрой, между прочим, Фира, первая жена штабс-капитана Фармана, которую Артур Антонович якобы выкупил, — замечает Змучилло.

— Как Ларису Федоровну Уточкину? — с сомнением реагирует поручик Вариус. — Зачем?

— Думаю, это жест для публики, чтобы выглядеть человеком одной идеи. Анатра тоже убежал от красной чумы, а болтали, что оказывал финансовую поддержку большевикам...

— Он помогал красным, когда поставлял нам бракованные аппараты.

— Теперь на бракованных машинах полетит шейх, который их приобрел...

— Мы с тем "лаптем" не столкнемся? — Фарман опустил бинокль и решительно шагнул в рубку. Склонился к переговорной трубе. — Машина, нас течением реверснуло! — кричит в котельное Фарман. — Вестфаль, судно катится вправо! Прямо по курсу миноносец Антанты. Право руля!

— Нет руля, заклинило! — докладывают.

— Отдать оба якоря! Машина, полный назад!

